

# РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 130.1

DOI: 10.25991/3033-604X.2025.59.76.017

**Г. А. Шилина\***

## ОБЗОР КНИГИ ГЕРОЛЬДА ПРАУССА «МОРАЛЬ И ПРАВО В ГОСУДАРСТВЕ ПО КАНТУ И ГЕГЕЛЮ»

*Аннотация:* Книга Г. Праусса «*Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel*» («Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю») в официальном переводе незнакома русскоязычному читателю. Но благодаря усилиям профессоров О. Ю. Кустовой (перевод) и Д. В. Масленникова (научное редактирование перевода) сегодня, спустя почти 15 лет после издания этой книги в Мюнхене, мы можем представить ее обзор всем интересующимся связью немецкой классической философии с практическим правом и моралью. Автор книги, профессор из Мюнстера Герольд Праусс (род. в 1936), — основатель «третьей волны» и виднейший представитель современной трансцендентальной философии, анализирует теории свободы Канта и, частично, Гегеля. Размышления И. Канта, его попытки нащупать структуру свободы человека и облечь ее в практическую форму способствовали созданию тройной модели отношений, которая позднее была им усовершенствована. Улучшенный вариант кантовской теории свободы не привлек внимание законодателей, принявших первый вариант этой теории за основу правовых отношений в государстве. Г. Праусс считает неоправданным внимание к первому варианту теории свободы И. Канта, поскольку Кант построил ее на принуждении (насилии) личности к исполнению долга. Праусс обеспокоен мыслью о возникшем противоречии между идеацией свободы в либеральном государстве и современным законодательством, во главу угла которого положено принуждение (насилие). В заключение Г. Праусс предлагает философский подход к обеспечению законности в государстве без насилия (принуждения), который несомненно привлечет внимание всех интересующихся теорией свободы и философией права.

---

\* Шилина Галина Анатольевна — аспирант; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; mr.suilich@mail.ru

Shilina Galina Anatol'evna — postgraduate student at the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; mr.sulich@mail.ru

**Abstract:** *G. Prauss's book "Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel" (Morality and Law in the State According to Kant and Hegel) is unfamiliar to Russian-speaking readers in its official translation. However, thanks to the efforts of Professors O. Yu. Kustova (translation) and D. V. Maslennikov (scientific editing of the translation), today, almost 15 years after the publication of this book in Munich, we can present an overview of it to all those interested in the connection between German classical philosophy and practical law and morality. The author of the book, Professor Gerold Prauss (born in 1936) from Münster, is a founder of the "third wave" and a prominent representative of modern transcendental philosophy. He analyzes Kant's theories of freedom and, to some extent, Hegel's theories. The reflections of I. Kant, his attempts to find the structure of human freedom and put it into practical form, contributed to the creation of a three-fold model of relations, which was later improved by him. The improved version of Kant's theory of freedom did not attract the attention of legislators, who accepted the first version of this theory as the basis of legal relations in the state. G. Prauss considers it unjustified to pay attention to the first version of I. Kant's theory of freedom, since Kant built it on coercion (violence) of the individual to fulfill his duty. Prauss is concerned about the idea of a contradiction between the ideology of freedom in a liberal state and modern legislation, which focuses on coercion (violence). In conclusion, G. Prauss suggests a philosophical approach to ensuring the rule of law in a state without violence (coercion), which will undoubtedly attract the attention of all those interested in the theory of freedom and the philosophy of law.*

**Ключевые слова:** *Кант, Гегель, Праусс, свобода, воля, долг, мораль, право, государство, законодательство, насилие.*

**Keywords:** *Kant, Hegel, Prauss, freedom, will, duty, morality, law, state, legislation, violence.*

Выдающийся философ современности Герольд Праусс опубликовал небольшую книгу «Мораль и право в государстве по Канту и Гегелю» (2008), посвященную анализу морали и права в теориях свободы Канта и Гегеля. Праусс раскрывает механизмы соотношения нравственности и долга у немецких философов-идеалистов и предлагает альтернативные варианты для основания закона в современном государстве. Философ оценивает состояние либерального общества как неустойчивое вследствие использования немецкими законодателями первого варианта теории свободы Канта, построенной на принуждении (насилии). Современное либеральное государство сформировало идеацию свободы как мира без давления на личность, без учета ее нравственных качеств. Этот мир разительно отличается от Нового времени, в котором жили немецкие философы-классики, поскольку в обществе протестантов лютеран добровольное выполнение обязанностей было напрямую связано с нравственностью. Под влиянием секуляризации в обществе и нарастающих стремлений общества к комфорту нравственность потеряла конкретность религиозного требования, и многие ее формы сегодня связаны с понятиями Добра и Зла в самом общем смысле.

На данный момент не существует единого стандарта нравственности и морали, питающих смысл свободы: каждая политическая партия, религиозная или социальная группа сама устанавливает эти нормативы для своего внутреннего потребления. Внешняя граница Добра и Зла может изменяться или быть недостаточно определенной, но она очерчена законом государства. Внутренняя нравственная граница человека не известна никому. Достаточно четким может быть только принцип исполнения закона: вне зависимости от материального состояния и личных предпочтений отдельных групп, граждан или лиц без гражданства, находящихся на территории данного государства. Г. Праусс не берет во внимание ситуацию, когда закон может по каким-то объективным причинам не исполняться (в каждой стране эти причины могут быть разными), но идея стандартизации морально-нравственных критериев ему кажется выходом из неустойчивости границ свободы.

Немецкий философ исходит из того, что законы, принятые во времена Канта на основе его теории, и нормативы поведения в современной Германии не могут быть одинаковы. Оценка уровня свободы граждан при исполнении закона должна быть пересмотрена в сторону большей степени саморегуляции. Интеллектуальная, социальная и творческая свобода может быть в либеральном обществе предметом внутренней нравственной коррекции, но не результатом внешнего насилия или принуждения со стороны закона. Современная идеация свободы в либеральном государстве понимается как невозможность любой формы принуждения и насилия со стороны государства. Тем не менее в части исполнения закона очевидны установки государства на принуждение, то есть сам закон фактически является легальной формой насилия. Причиной такого положения Праусс считает принятие законодателями первого варианта теории свободы Канта за основу отношений между субъектом и законом. Праусс предлагает рассмотреть другой вариант теории Канта, который кажется ему наиболее верной моделью субъектно-объектных отношений. Гегелем также была предложена своя теория о взаимоотношениях субъекта и государства, он также предлагает свой вариант принудительной составляющей исполнительной части закона. Праусс рассматривает в сравнении теорию Гегеля и делает вывод в пользу второй теории Канта.

Г. Праусс уделяет особое внимание именно идеям И. Канта, поскольку распространенная мысль о том, что теория свободы Канта повлияла на немецкое законодательство, является историческим фактом. Спустя пять лет после смерти Канта был разработан гражданский кодекс Великого герцогства Баден, в основу которого были положены идеи принципа долженствования из его первого варианта теории свободы. Второй вариант теории Канта остался известен только узкому кругу философов и не привлек внимания составителей закона, хотя являлся более продуманным относительно нравственной оценки действия человека, поскольку содержит попытку включить в структуру свободы мотивацию. В дальнейшем законодатели Германии неоднократно обращались к идеям Канта: в первой половине XIX века при обсуждении идеи правового

государства и в XX веке при формировании «Закона об авторских и смежных правах от 9 сентября 1965 года». Таким образом, есть основание считать идеи Канта плодотворной базой для немецкого законотворчества.

Праусс предлагает уйти от первого кантовского варианта теории свободы, которую считает неприемлемой для либеральной модели развития общества, и предлагает рассмотреть другую модель кантовской теории, способную, по его мнению, стать новым принципом построения отношений между человеком и долгом. Для сравнения Праусс рассматривает аналогичную идею Гегеля и Фихте, оставаясь таким образом в рамках немецкой классической философии. Праусс проследил развитие мысли Канта в обоих вариантах его теории и дал подробные комментарии. В системе свободы Канта долг выступает как нравственно аргументированное принуждение к действию и входит в структуру практической свободы. Нравственность при этом оказывается встроенной в систему долженствования. Долг оказывается исполненным потому, что возникла необходимость его исполнения. Исполнение долга из выгоды или страха оказываются в одном ряду с добровольным и достойным исполнением долга перед законом. Уравнивание в нравственном отношении этих вариантов исполнения долга кажется несправедливым. Для Канта, ценившего справедливость не менее долга и чести, первый вариант теории показался недоработанным, поэтому Кант расширил свою структуру свободы, допустив мотивацию в качестве критерия оценки нравственности. Второй вариант теории Канта также не учитывает многочисленных нюансов нравственного исполнения долга.

Философ идет путем глубокого анализа положений Канта и его альтернативы через рассмотрение философской концепции взаимодействия воли и долга. У Канта в структуре свободы воля обязывает человека к исполнению долга. Проблема теории Канта хорошо просматривается уже в названиях глав книги Праусса. Так, первая глава называется «Проблема с понятиями “сообразно с долгом”, “противно долгу”, “по долгу” у Канта». Вторая глава называется «Как следствие неразрешимости данной проблемы — наша неправильная концепция права, морали и государства». Третья глава освещает проблему с терминологией Канта в его второй версии структуры свободы и имеет название «Проблема с понятиями “только как средство”, или “также как самоцель” или “только как самоцель” у Канта. Четвертая глава — «Как следствие решения данной проблемы — другая концепция права, морали и государства», и пятая глава — «Настоящее и будущее нашей культуры права, морали и государства».

Праусс не прослеживает мысль Канта до античных примеров, но рассуждения Канта повторяют использование античной терминологии о «надлежащем» [1, с. 4], «обременяющем» долге и «нравственном совершенстве» при исполнении долга. Человек Канта «должен хотеть» исполнить свой долг, и все колебания при «нравственном совершенстве» должны касаться лишь более верного исполнения этого долга, а не утилитарных рассуждений о выгоде от этого

исполнения. Свобода человека у Канта является «causasui»\*, она нравственно совершенна и не имеет отношения к этому «насильственному опутыванию», поэтому разработка структуры свободы у Канта должна была подтвердить эту мысль о добровольном подчинении долгу («по» долгу) или отказу от подчинения долгу («против» долга) как воплощению Добра и Зла. Задача разбора Пруссом структуры свободы Канта состоит не в том, чтобы найти в ней «темные места», подлежащие философскому остракизму, а в том, чтобы предикативная часть структуры свободы, касающаяся в данном случае понуждения к исполнению долга, имела смысл тот же, что и свобода «нравственно совершенная». Прусс считает, что сведение предикативной, практической части свободы к требованию исполнения долга равно фактически насильственному «опутыванию» человека. Насилие ставит под сомнение само существование свободы.

Книга состоит из пяти частей с предисловием Прусса. Три части книги посвящены идеям И. Канта, четвертая часть раскрывает особенности теории свободы Гегеля, а последняя часть суммирует выводы Г. Прусса о значении классической немецкой философии в сегодняшнем состоянии немецкого современного законодательства и содержит его собственные идеи относительно исполнения долга в современном государстве без насилия.

### ***Глава 1. «Проблема с понятиями “сообразно с долгом”, “противно долгу”, “по долгу”»***

Вначале Кант приводит основные характеристики действия на простых понятиях: «противно долгу» означает сопротивление или неприятие исполнения долга (по любой причине), «по долгу» означает безусловное согласие и уверенность в необходимости его исполнения. Несмотря на существенную смысловую разницу в действии, структура свободы поначалу обеспечивается всего несколькими терминами: добро, зло, воля, долг, априорность, апостериорность. Долг и воля находятся между собой в отношениях подчинения таким образом, что долг имеет статус закона, а свобода воли субъекта есть свобода в чистом виде, которая может исполнить требование долга, а может и не исполнить. Понимание нравственного действия Кант соотносит с формулировкой «по долгу». Формулировка «против долга» предполагает отказ от исполнения долга и, соответственно, безнравственность. Долг предписывает воле его исполнить, то есть воля или практический разум субъекта, в свою очередь, являясь абсолютно свободным, априорным, неэмпирическим, накладывает самообязательство на поступки человека, относя их тем самым к одной из категорий Добра или Зла. Кант намеренно освобождает волю субъекта от эмпирической «шелухи», чтобы включить его в априорность.

Кант понимает, что исполнение закона может сводиться к формальному исполнению, поэтому появляется третья возможность: «сообразно с долгом», которая означает действие, исключая эмоциональные и нравственные

---

\* «Causasui» (лат.) — причина самой себя, первопричина.

оценки. Кант иллюстрирует это на примере с купцом, не обманывающим своих покупателей, хотя он имеет такую возможность. В этом случае нравственность заменяется «честно исполненным» действием. Разумеется, страх убытков от потери репутации может стать подлинной причиной «честного» поступка. Но «честность» в данном случае не идентична нравственному добровольному подчинению из любви к людям или из уважения к закону. Роль нравственности как детерминанты «честного» поступка остается не до конца проясненной, поэтому критерии поступков «по» (долгу) и «сообразно» (долгу) по шкале нравственности не будут совпадать.

Г. Праусс отмечает особенность мышления Канта, отказавшего себе в логике одновременным допущением индифферентности закона (долга) по отношению к нравственности и привязке к нравственной оценке действия. Праусс понимает те трудности в определениях нравственности, с которыми пришлось столкнуться Канту. При разновекторных стремлениях к Добру или Злу долг и воля не могут иметь одинаковое соотношение подчиненности, воля не может одинаково накладывать самообязательство, а долг не может иметь одинаковую силу для образования самообязательства у свободной воли. Третья возможность по Канту становится формальной по отношению к Добру, но согласно закону (долгу) является допустимой нормой для оценки поступка как «нравственно благого». В этом Праусс видит утрату нравственностью своего статуса сверх-закона.

Поначалу кажется, что третья возможность устанавливает некий формальный порядок в отношениях воли и долга. Но Кант не осознает глубину и масштаб переоценки ценностей с введением формулировки «сообразно с долгом». Ведь это не Добро и не Зло, а некое состояние нравственной неустойчивости. Способ решить проблему становится чисто внешним контуром, оболочкой, под которой ситуативно может таиться зло или добро. Именно эта ситуация по-своему беспокоит и Канта, и Г. Праусса, и они оба совершенно правы, поскольку юридическая практика доказала нечеткость определения Добра и Зла. Кант пытается сохранить нравственную оценку третьего действия через введение слов «ради» (долга), «нравственно доброе», «благое», и определить нравственность через «склонность», введение которой в структуру свободы окончательно разваливает ее априорность. Кант понимает свою неудачу и возвращается к этому спустя три года в «Критике практического разума», поскольку предпринятая им попытка продолжить рассуждение в «Основах», по-видимому, снова не устроила Канта.

Возникшая терминологическая трудность у Канта влечет за собой и юридические трудности в практическом законодательстве. Совершенно ясно, что воля вопреки склонности может удерживать человека от нарушения закона, однако мотив (склонность) может сыграть решающую роль в осуждении невинного, а исполнение закона безнравственным человеком повлияет на его характеристику. Позитивное право подменяет собой нравственность и становится сакральным образованием, способным снять ответственность

с безнравственного человека или привлечь невиновного к ответственности. Поэтому неточная терминология структуры свободы — это, по словам Г. Праусса, «неизведанная территория» (а русские бы выразились точнее — «темный лес») юриспруденции. Это становится особенно понятным, когда мы, нивелировав понятие «нравственности» формальным исполнением, начнем верить уже выстроенные координаты Добра и Зла. Допустим, что «противно долгу» — «нравственно злое», «по долгу» — «нравственно доброе», а «сообразно с долгом» — ни то ни другое. Кант определяет это «сообразно» как «честность» по отношению к тем, на кого направлено действие. Далее «честный» поступок называется «добрым», «благим» — и все это не о человеке, а об эксплицитной, юридической части поступка. Понятно, что это — уловка Канта, пытающегося «поймать» «скользящую» нравственную координату и не находящего подходящего решения в определении самого человека. А ведь именно сам человек нуждается в определениях нравственности, поскольку именно он со стороны закона и общества «страдательно» подвергается оценке. Но если мы можем определить отношение нравственности одного субъекта, то вывести общее правило подчинения долгу (закону), одинаково справедливое для всех людей, нельзя, поскольку закон на варианте «сообразного» становится безразличным, нечувствительным к морали.

Праусс отдельно останавливается на необходимости различения права и морали, поскольку сакральный смысл морали и нравственная глухота права при наложении не образуют единства, достаточного для образования нравственности. Нравственность в данном случае становится условной целью, а на первое место выходит безразличный к ней факт соблюдения или нарушения закона. Долг у Канта в нравственном смысле идентичен закону, который обязывает волю к его исполнению. То есть фактически у Канта наложение волей принуждения к исполнению долга есть действие, активируемое законом как первопричиной действия, а ведь нравственным можно считать только автономное свободное подчинение, не понуждаемое мотивом. К тому же мотив (склонность) — это апостериорное чувственное образование, а включение любых мотивов в априорную схему ставит под сомнение ее априорность. Сделанная Кантом специальная оговорка о том, что «мотив» для свободной воли как побудительная причина возникает как «нечто» из самой структуры свободы, не имеет основания. Попытка придать варианту «по» (склонности) статус нравственного действия совершенно сливается с мотивом, то есть с апостериорным (и не-свободным) действием, что приводит Канта к биогенетической зависимости.

При этом исполнение долга как в случае действия «сообразности», «согласия с законом», так и в случае действия «по закону», «ради» закона есть действие идентичное нравственному. Но тогда аналогичное воздействие первопричины на волю должно быть и при действии «против» закона, а это абсурд. Кант описанием троякой структуры свободы пытается различить присущую человеку нравственность как закон, который может исполняться или нарушаться

в зависимости от степени нравственности. Любая попытка найти решение через мораль разбивается, как только возникает вариант «сообразности» долгу. Возможно, иное решение возникло бы у Канта, уйди он от попыток решить проблему соотношения между долгом и свободой через мораль. Включение механизма чистого действия предполагает ограничение описания структуры свободы формальной стороной дела, без упора на причину, мотив или склонность. Новый смысл морали и права, возникающий неизбежно как навязанная государством принуждающая сила, коренным образом меняет смысл права и морали как самопринуждения, становясь признаком несвободы.

Нерешенная философская проблема не может, даже реализовавшись в правовое решение, обрести статус верной концепции. Законоведы вынуждены испытывать проблемы, идущие от неверной концепции, даже если внешне схема практического применения выглядит безупречно. Праусс разбирает это практическое применение во второй главе.

## ***Глава 2. «Как следствие неразрешимости данной проблемы — наша неправильная концепция права, морали и государства»***

Источником права и морали является отношение субъекта к долгу, поэтому смысл права и морали у субъекта и государства совпадают. Но в силу искажения, допущенного Кантом, а затем повторенного Фихте, смысл права и морали у субъекта и государства стали существенно отличаться. Такое положение сохранялось с момента опубликования «Основ» в 1785 году, хотя семь лет спустя Кант делает вторую попытку провести различие между «согласно», «сообразно» и «по» закону, через введение в структуру свободы новых терминов цели и мотива. Таким образом, возникает фактически одновременно две разные по смыслу концепции: одна — с искаженным смыслом позитивного права, которую предприняли Кант и Фихте, а другая только кажется другой из-за обновленного отношения между моралью и правом, но фактически является одинаковой с предыдущей.

Праусс считает, что, поскольку нельзя определить степень нравственности человека по факту формального исполнения долга, отношения между волей и долгом можно справедливо оценить только для себя лично. Кант уходит от этой попытки к другой модели отношений: к формальному соблюдению закона государства. В этом случае попытка обосновать отношения между субъектом и государством выглядят как механическое перенесение физики Ньютона в философию. Природа свободы такова, что любое внешнее противодействие возможно только в области права и никогда — в области морали. Поэтому максима, моральный закон или внутренний мотив поступка могут исходить исключительно от самого человека. Кант считает государство способным принудить субъекта к исполнению закона. Так же природа принуждает исполнять свои законы вне зависимости от его желаний. Человек болеет, умирает не по своей воле, а по законам природы. Сопrotивление природе бессмысленно,

поэтому человек «сообразно» природе исполняет свое предназначение. При этом природу не интересует мнение человека о ней. Кант полагает, что такое соотношение между человеком-субъектом и государством вполне приемлемо, и весь ход истории это подтверждает.

Праусс считает, что решение проблем свободы человека в естественно-природном ключе невозможно, иначе мы ничего не знали бы о морали, и насилие было бы единственным способом общения субъекта и государства. В этом случае ни о какой свободе и речи не идет, поскольку свобода невозможна без морали. Кант подводит базу и под отношения насилия, опираясь на ньютоновский закон *actio* и *reactio*, рассматривающий сопротивление препятствию продвижения тела как движение, помогающее продвижению. Кант автоматически переносит «сопротивление препятствию продвижения» на структуру, обеспечивающую правопорядок через насилие, считая что именно это обеспечивает общий порядок в государстве. Препятствия для нарушения свободы — это способ осуществления свободы в обществе, на этом Кант и строит свое основание.

Кант не замечает, что, когда речь идет только о формальных отношениях субъекта с законом в государстве, интимность морали как внутреннего самоопределения личности уходит из права как ненужный элемент структуры свободы. Праусс, наоборот, настаивает, что закон без опоры на мораль не может быть законом свободного общества, поскольку внутреннее «самоналожение» волей обязательств по исполнению долга, присущее свободному субъекту, должно осуществляться и «вовне», в обществе. Если исполнение долга субъектом — это то, что должно быть непременно нравственным, то и расширенная на общество модель долга в виде закона государства должна налагать на позитивное право требование быть нравственным. В ином случае основание права теряет смысл, как теряет смысл и само государство, призванное обеспечить гражданам достоинство и безопасность. Это происходит, когда мораль уходит из закона, а действие по обеспечению права становится исполнением «ради исполнения». Мораль — это основание любого права, и общественный закон, когда требует исполнения, берет за образец именно мораль. Отсюда ясно, что основанием права не может быть насилие, принуждение, поскольку право всегда осуществляется субъектом в виде свободного подчинения. Простое подчинение — акт свободной воли субъекта. Кант и Фихте не смогли этого обосновать и взяли другой, ложный порядок вещей за основу.

Смысл права у них оказывается вовсе не нравственным определением, а формально нравственным, «благим», «честным», «сообразным» и фактически уравниваем с действиями «по» (долгу), «ради» (долга). «Просто» действие, а на деле — действие, выполненное формально, предполагается обеспечить нравственным смыслом через максимы (императивы). Законодатели допустили как благо формальное исполнение закона, поскольку и сам Кант считал это вполне приемлемым. Именно этот ложный порядок отношений был принят законодателями Германии в качестве основы позитивного права в государ-

стве и сохраняется до сих пор. Но действие, произведенное «в соответствии», будь оно «хорошим», не обеспечивает нравственной мотивации действия. Кант вводит максимы — предписания, которые обязывают автономную волю к исполнению закона, и это исполнение для Канта оказывается достаточным, чтобы оценить действие как нравственное. В масштабе государства это означает гетерономию. Кант не только сознательно вводит обязательность подчинения государственному предписанию по формальному признаку без соотнесения с нравственностью, но и само по себе это подчинение он считает нравственным поведением. Вводя максимы, или предписания, Кант имел в виду мысль, что в государстве люди должны быть способными к исполнению законов, то есть уметь им подчиняться. Но Праусс считает, что факт подчинения любому из видов требований государства к человеку есть добровольное свободное действие. Государство дает оценку по факту подчинения. Моральная сторона поступка исходит от субъекта, образуя мотив.

Поначалу Гегель согласен с Кантом: «Абстрактное право есть принудительное право, потому что противодействие ему есть насилие над существованием моей свободы в ее внешней сущности» [3, с. 143]. Гегель повторяет за Кантом положения физики Ньютона, считая правовое принуждение решающим фактором исполнения закона, «всеобщностью», лишенной духа, необходимой для движения личности. Тем не менее право для Гегеля — предмет объективной механики, стоящей в его иерархии ниже морали. Позднее Гегель выводит смысл государства из простого права, ставя его на вершину своей иерархии. Гегель выстраивает иерархию основных терминов теории свободы: морали, долга, права, воли, отказываясь от их равного значения. События французской революции заставили Гегеля задуматься о существенной роли морали.

В йенской системе Гегель утверждает главенствующую роль морали над правом. Он отказывается от поддержки некоторых тезисов теории свободы Канта и своей собственной теории, делая упор на религию как основу морали, детально разбирает различные аспекты морали, стараясь учесть все нюансы и негативные проявления: лицемерие, чрезмерную жесткость собственных убеждений. Гегель уверен, что законы не могут влиять на убеждения, ибо «в области морального я есть для себя самого и насилие здесь не имеет смысла» [2, с. 143]. Очевидно, роль морали Гегель оценил практически сразу и придерживался этой позиции почти неизменно, а вот роль государства от йенской системы и «Феноменологии духа» до «Энциклопедии» 1830 года возросла многократно. Поначалу он соглашается с Кантом и Фихте в том, что «государство — это сила права» и даже в том, что люди поначалу «должны быть принуждены, как животные», а затем доводит этот тезис до критической отметки: «Государство <...> стремится к тому чтобы сделать себя независимым от воли индивида», «государство становится машиной, системой внешних зависимостей» [3, с. 144].

Чем механистичнее отношения государства и субъектов, тем скорее в обществе назревает потребность в религии. Тем более удивительным на этом фоне становится рассуждение Гегеля о том, что государство «не может обойтись

без убеждений» своих граждан. Это суждение стало основой его расхождений с Кантом и Фихте. Религия для Гегеля становится помощником государства по поддержанию порядка. В «Философии права» Гегель прямо заявляет о религии как опоре государства. Основание этого утверждения — во внутренней, интимной стороне религии. Государство может осуществлять лишь меры внешнего регулирования исполнения законов, а религия опирается на мораль, убеждения, совесть, осуществляя внутренний надзор. Гегель верит, что государство, будучи простым по форме, опираясь на религию, становится чем-то более сложным, чем просто «организация по поддержанию порядка в обществе». Со временем он поставит религию выше нравственности, а государство — выше семьи и гражданского общества. Праусс отмечает, что Гегель рассматривает религию иначе, чем инструмент морального воздействия, поскольку считает, что убеждения граждан, способные влиять на государство, не обязательно должны быть религиозными. Гегель убежден, что лучший путь для понимания философии свободы — философский, но за невозможностью идти всем обществом этим путем лучшей формой организации удержания порядка в государстве будет религия. За религией он признает влияние на все формы субъективности: чувства, разум и воображение, а государство считает ответственным за право.

Праусс считает, что можно говорить о государстве, праве и морали в светских терминах, поскольку не всем нравится идея связывать развитие общества с религией. Праусс сомневается, стоит ли в либеральном обществе возвращаться к идее Бога как «объективного внешнего», поскольку сам не разделяет религиозные ценности, но он детально наблюдает за формированием понимания у Гегеля религии как моральной опоры. Он детально прослеживает весь путь формирования у Гегеля нравственности как высшей ценности и государства как высшей формы организации общества. Отношение к религии у Гегеля связано с отведенной ей ролью морального цензора, но философское осмысление природы государства он ставит на ту вершину, которую ни религия, ни мораль, ни право не могут достичь. Последующее снижение роли религии у Гегеля, по-видимому, связано с опасением развития фанатизма и его роли в ослаблении государства. Тем не менее религия остается для него основой нравственности и государства, а «принципы правовой свободы» и вытекающие из них институты государственности — поверхностными и абстрактными, несостоятельными по своей сути. Вывод из вышесказанного Гегель делает не в пользу долгосрочной перспективы существования государства, поскольку оно не может осуществить достаточный контроль за субъектами безнравственного типа.

Развитие идей отношений государства и личности у Гегеля и Канта связано с идеей найти обоснование субъективной и объективной сторон свободы. Праусс считает конструктивной идею Канта освободить составляющие структуры свободы: долг, волю, мораль — от апостериорностей: мотива, склонности, желания. Кант ограничил, замкнул систему свободного действия на субъекте, а структуру государства пытался рассмотреть как исключительно «внешнюю»

объективную сторону отношений между субъектом и обществом. Фихте поддержал идею Канта, а Гегель со временем переосмыслил положения Канта и предложил другую систему взаимоотношений права и морали в государстве: с философским осмыслением сути государства, которое содержит в себе структуры права как принуждения и морали как религии. Третья глава книги Праусса раскрывает попытки Канта вернуться к оценкам нравственности в свободном действии.

### *Глава 3. «Проблема с понятиями*

#### *«только как средство», «также как самоцель» и «только как самоцель»*

Новый вариант троякой схемы отношений Канта касается принципов действия в рамках его объективной оценки как «средства» и как «самоцели». «Только» и «также» образуют отдельные значения, контрадикторные «средству» и «самоцели». Кажется, что новая система касается только тех старинных отношений, имевших место в Просвещении, но они так безупречно точны, что кажутся достаточными для определения современного типа действия. Допустим, некто к нам обращается только как к «средству». Это «зло» возможно и допустимо, поскольку мы сами допускаем это отношение как к себе, так и к другим. Но поскольку мы, в отличие от животных, об этом знаем и сознательно это допускаем (или не допускаем), мы становимся лично ответственны за такое обращение, то есть за «зло», которое мы отвергаем или принимаем без сопротивления. Ответственность образуется благодаря априорной свободе воления. Воление систематизируется или объективируется через различные референции «Я» как воплощение «Я» в каждом случае воления, при котором происходит сознательная систематизация или объективация субъекта. Это дополнительное знание о своем волении образует «самого субъекта как самоцель перед всеми содержательными целями своего воления» [2, с. 102], который «хочет чтобы к нему относились как к сознательной самоцели» [2, с. 102].

Ответственность предполагает, что у нас есть обязанность быть людьми, то есть быть не как «средство», а «также» как «самоцель» или «только» как «самоцель». Такое действие мы принимаем по отношению к себе или производим сами как сознательное действие, направленное на другие субъекты. Если субъект, зная о своей цели, о содержании своего воления, хочет, чтобы к нему относились «только» как к «самоцели» или «также» как к «самоцели», то это не будет безнравственным, поскольку цели субъекта и объекта совпадут. Разумеется, мы не обязаны говорить посторонним людям «спасибо» за оплаченную работу, но любая возможность уйти от обращения к человеку «только» как к «средству» уже не будет «злом». Таким образом, Кант переносит морально-нравственные задачи в область действия. Но Канта интересует не столько отношение субъекта к другому субъекту, сколько отношения внутри субъекта, поскольку он видит в субъекте возможность относиться к самому себе «только» как к «средству». Если воля человека допускает такое отношение, то это

чистое зло, самоуничтожение «Я». Таким образом, Канту удалось определить моральное и правовое зло внешне и внутренне через «только» как к «средству», чего не удавалось сделать ранее с формулировкой «сообразно». Точно так же зло определимо по отношению к другим субъектам через «только» как к «средству», а отношения как к «самоцели» — как добро. Отношения «тоже» и «также» с любым из основных определений служат не противопоставлению крайних категорий добра и зла, а как вполне допустимые в определенных случаях нюансы блага. Воля субъекта сознательно может допустить внешнее отношение к самому себе «как к средству». Это связано со способностью человека к самопомощи в любой сложной ситуации, а деловые отношения субъекта к субъекту «только» как к «средству» — это нормальные деловые отношения. Тем не менее всегда остается благом отношение как к «самоцели» или «также» как к «самоцели». Любое внешнее положение зависит от внутреннего расположения свободной воли человека и может являться добром или злом или просто благом. Из последнего положения можно вывести смысл блага, которое может быть моральным и правовым благом, когда к субъекту относятся «только» как к «самоцели», и только правовым благом — когда отношения определяются «также» как к «самоцели». То есть мы имеем дело с двумя видами блага, различаемыми по роду и имеющими общим признаком воздействие на субъект как на «самоцель». Эта разница в значениях ведет нас к различению максимума и минимума, необходимых для того, чтобы правовое благо стало также и моральным. Праусс подробно объясняет процесс логического выведения из отношений «самоцели» и «средства» всевозможных ситуаций с «только» и «также», которые мы можем объяснить как правовое благо, но становится очевидным, что моральное благо — это любовь «к ближнему», зафиксированная у Канта в отношении «только» как «самоцель». Это тот максимум блага, на который мы можем рассчитывать абсолютно. Тогда поведение «также» и «не только» будет правовым минимумом.

Кант определяет категорический императив как благо, но он не схватывает до конца смысл блага, задерживаясь на форме, поэтому моральное благо Кант закрепляет за «самоцелью». Именно содержание дает различие позиций Добра и Зла между отношениями «самоцели» и «средства». Простая оппозиция между ними и отношения «не только» и «также» не выводятся друг из друга именно содержательно, поскольку существует контрадикция между крайними и средними ступенями этой моральной иерархии. Разделение морали на виде отношений «только как самоцель» невозможно, поскольку любовь предполагает полное действие. А вот «честность» купца из первого варианта теории Канта никаким образом не может образовывать действия, равное «только» как «самоцель», поскольку купец действует формально, в рамках правил. Тогда действие «только» как «средство» со стороны субъективности может быть оценено как «зло» в одном случае: если у субъекта, на которого направлено действие, нет «самопомощи», нет установки на сопротивление. Любое действие против такого человека расценивается как моральное зло. Таким образом, злом будет

любое сознательное действие, направленное на человека против его воли. Это очень важный пункт для дальнейших рассуждений Праусса.

Все эти изыскания возможны потому, что Кант говорит о субъекте как о предмете познания. Под определением личности человека Кант имеет в виду его формальные характеристики как субъекта и объекта одновременно, поскольку «воля разумного существа» может «иметь себя в качестве объекта и максимы» своих действий. Религиозные установки служат иллюстрацией, но не вносят содержательных коррективов в общую схему формальных морально-правовых отношений. Кант считает личность субъектом с познающей сознательной самоцелью (целью в себе самой). Из этого вытекает, что идея просвещения по отношению к субъекту в рамках самопросвещения может реализовываться против его воли, как к «средству». Отношение к себе формально будет содержать в этом случае чистое зло. Кант интуитивно выводит из объективной стороны концепцию зла и не затрагивает концепцию добра, хотя в первом варианте субъективных отношений он начинал с добра, определяемого как отношения «по» (долгу). Эти отношения были для Канта моральным добром (благом), а отношения «сообразно» — правовым «добром», что, по мнению Праусса, является неудачным примером. При этом Кант не выводит моральное и правовое зло из отношений «против» (долга).

При рассмотрении нового объективного варианта Кант оценивает отношения «только» как «средство» как моральное и правовое зло, которое может быть направлено на субъект. Можно относиться к субъекту как к «средству» в добровольном порядке, но относиться к субъекту «только» как к «средству» принудительно — это зло. Из этого следует, что «неправовое» есть правовое зло, а «аморальное» — моральное зло. Требование волящего субъекта к другому волящему субъекту зависит от сознания субъекта, на которого направлено это требование. Простое воление субъекта, направленное на объект, не обладающий сознанием (камень), не содержит никаких требований. Сознательный объект, не обладающий волей к сопротивлению (ребенок), требует максимальной отдачи от волящего субъекта на уровне «только средства». Для данной ситуации — это будет минимумом требования, предъявляемого субъектом субъекту. Также ситуативно оценивается отношение «только» как к «средству» для воспринимающего сознательного субъекта, способного к сопротивлению.

Способность волящего субъекта требовать и желать обоснована позицией морального долженствования. Субъект должен не только желать, но и сознательно требовать (в том числе и с себя), поскольку он имеет на это право. И это право дает внешнему, объективному субъекту облечь свои требования в форму долга, поскольку «объективное сознательное воление, которое должно стать объективным сознательным требованием, должно также стать субъективным сознательным долженствованием в другом субъекте и, следовательно, законом как долгом» [2, с. 98]. Таким образом, долженствование связано с осознанием субъектом своих действий: все требования субъекта к внешнему или внутреннему субъекту, являющиеся ситуативными и многочисленными, могут быть

системой взаимозачетов и уступок в разных видах отношений. Но Кант не решается придать праву требования сознательного субъекта статус априорности, поэтому говорит о «страдающем» (подвергающемся внешнему воздействию) субъекте. «Максимум» или «минимум» правовой или моральной оценки различается не по необходимости и не по требованию, а только по их описанию. Долг у Канта появляется как нечто заимствованное из внешних требований к субъекту, а не является его внутренней потребностью.

Праусс считает, что Кант не уделяет субъективной априорности требования должного внимания потому, что он ее просто не видит. Оценка действий возникает только с объективной стороны, и это удается Канту в полной мере. Но Кант не видит, что право требования априорно, оно возникает вместе с осознанием себя как должноствующего объекта по отношению к самому себе. А поскольку эти требования законны, то есть входят в область морального и правового отношения между людьми, такая личность реализует и свое право требования к другим субъектам. Праусс настаивает, что субъекты, независимо от того, подвергаются ли они воздействию или воздействуют сами, будучи оба «самоцелью», «являются априорностью сознательного воления практического разума, и речь идет только о противопоставлении их в отношении друг с другом, что никак не может быть изменено эмпирикой ситуации».

Если субъект неспособен к самопомощи, это означает, что он не способен к осознанию себя в том качестве, которое предполагает сопротивление воле другого субъекта или к осознанию чужой воли, которая может совпадать с целью самого субъекта. Субъект не может самостоятельно себя сделать «средством» поскольку он сознательно требует к себе отношения «только» как «самоцели», и важно, что никакие градации отношения с другим субъектом его не устроят, поскольку именно полное благо будет для него минимумом. Но другой субъект, чтобы осуществить отношения «только» как к «самоцели» должен быть не только сознательным в моральном отношении, но и быть способным воспринимать это требование как «законное». Других отношений тут не может возникнуть, кроме тех, которые они оба заранее для себя обозначили и приняли как законные. Праусс отвергает мысль Канта о первичности требования от объективной стороны. Если принять мысль Канта, то придется согласиться и с тем, что младенец или иной субъект в беспомощном состоянии будет вести себя пассивно или соглашаться с любым требованием другого субъекта. Но ведь даже если у субъекта нет сил на сопротивление чужой воле или осознание чужих требований к себе, субъект осознает свои собственные потребности в благе и ищет способы их выразить, то есть заявить требование к другим. Допустим, что субъект не способен к сопротивлению чужой воле, но поскольку его воля сосредоточена на своем субъективном требовании выживания, то он остается нуждающейся в благе стороной вне зависимости от того, принял ли другой субъект его требования или нет. Младенец или больной могут плакать, даже если вокруг никого нет. Поэтому любая форма требования блага будет выражением воли субъекта, которая не будет совпадать с попыткой использования его как

«средства», и любое действие извне, не соответствующее этому требованию, будет насилием, то есть чистым злом.

Поэтому естественное право, о котором говорил Кант, — это то самое первоначальное право, которое заставляет человека предъявлять другим необходимые для своего выживания требования. Это априорное субъективное право отличается от объективного позитивного производного права, которое служит регулятором отношений в государстве. Поэтому необходимо признать определенный стандарт, задаваемый тройными отношениями, описанными Кантом. Стабильность этого стандарта не вызывает сомнений, поскольку он не является ни частью природных (естественных отношений), ни частью «природы» самого субъекта. Ни о каких правах и обязанностях природа не знает, и обращение к ней бессмысленно, если мы ищем сознательное отношение между субъектами. Мы должны рассматривать первоначальное право как некий первоначальный культурный зародыш или слой, который должен расширяться с субъективной стороны до объективной, пока не станет всеобщим стандартом «справедливости». Стандарт может быть результатом автономного практического разума, то есть сознательного воления, различающего человека и животного. Вопросы веры в связи с сознательным волением широко не поднимались Кантом, а вот вопросы права оказались в фокусе интересов всех немецких классиков.

Праусс приводит слова Ратцингера об особой западной рациональности, связанной с ментальностью, которая могла бы стать препятствием на пути к общему стандартизованному мышлению: «Не существует рациональной или этической <...> мировой формулы, с которой все могли бы согласиться, и которая могла бы затем поддерживать целое» [2, с. 118]. Западное христианство, как указывает Праусс, «заражено» неверием в возможности человеческого разума, и это несправедливо. Уже сам факт возможности стандарта заставляет искать его применение, но неверие в стандарты образует беспомощность, которую можно решить обоснованием этих стандартов. Если мы остановимся на мысли, что каждый человек априори обладает сознательным волением, то валидность тройкой схемы Канта можно взять за этот стандарт. Валидность схемы объясняется «попыткой Канта ввести нормативное долженствование из воления, а не из природного бытия, которым воление не является» [2, с. 141]. Каждое сознательное воление, которое возникает в субъекте более одного раза, «знает о себе, знает о других волениях, об отношениях между этими волениями, является частью контингентной ментальности» [2, с. 141]. Поэтому отношения сознательного воления становятся отношениями сознательного требования и, с другой стороны, являются отношениями долженствования.

Термин «долженствование» — это синтез всего того, что при анализе значения необходимо выделить в деталях. Обязать человека быть «должным» означает множественное требование «я хочу, чтобы ты хотел», иначе назвать это «сознательным» субъектным волением не получится, поскольку любое воление есть действие добровольное, автономное и свободное. Любой человек, на которого обращено требование «долженствования», воспринимает требование

как «он (субъект) хочет, чтобы я хотел». «Хочет» означает знание об осознанном волеии другого, осознанном требовании к себе и осознанном отношении к этому требованию. Таким образом, исходным положением «долженствования» являются субъективное воление как требование подвергающегося воздействию субъекта и, также в одностороннем порядке, объективная сторона каждого действия, которые составляют отношения между собой. Именно эта объективная сторона действия, вызванная субъективным односторонним волением, возникающим во время воздействия на него, образует норматив долженствования. Субъект вырабатывает определенный стандарт объективных требований, который каждый раз активизируется, когда возникают контакты с другими субъектами.

Кроме того, возможны также взаимообратные отношения, то есть когда субъект А с его действием а и субъект В с его действием б образуют взаимодействие U. Субъект А является подвергающимся воздействию через действие б, а субъект В — подвергающимся воздействию через а. При этом каждый субъект становится не только «страдающим» от воздействия, но и сам становится воздействующим, независимо от содержания. В любом случае, нормативность долженствования вне зависимости от содержания отношений, активизируется в соответствии с осознанной волей человека и становится объективным стандартом, который может быть применим в обосновании концепции морали и права в государстве. Свободное воление происходит сознательно в данности референции «Я» как воплощении «Я», и это то обоснование, из которого происходит все остальное. Праусс сожалеет, что эти идеи Канта не получили должного развития.

#### ***Глава 4. «Как следствие решения данной проблемы — другая концепция права, морали и государства»***

Праусс многократно предупреждал, что в основе первой модели отношений Канта заложена неверная концепция права, но законодатели утверждают обратное, и с этим мнением, закрепленным в обществе, до сих пор приходится бороться. Основная проблема, которая образуется после выяснения границ правовой и моральной стороны отношений — это неоправданное соотношение внутренней, субъективной стороны с моралью, а внешней, объективной стороны — с правом. Мораль при этом играет роль мотива, способного влиять на нравственный смысл действия, а праву отводится роль принудительной силы к исполнению долга. Дело тут прежде всего в ошибочной позиции Канта относительно роли права в первом варианте кантовской модели. Праусс считает, что нельзя принудить человека извне, пока он сам, по своей воле, не захочет сделать то, что совпадает с внешним требованием к нему. Это зависит прежде всего от осознания человеком самого себя, своих потребностей, в силу которых он принимает решение противостоять требованиям объективной стороны или принять их.

Кант предложил троякую систему отношений, способную определять схематично добро и зло, пусть не завершенную и не до конца обоснованную, но за неимением другой, более ясной концепции, она была принята и продолжает влиять на концепцию морали и права в современном государстве. Появление более удачной концепции Канта не вызвало никакого волнения среди законодателей и философов. Фихте и Гегель не упоминают эту систему, поскольку она, по их мнению, не была завершенной теорией. Но Гегель не согласен с Кантом в некоторых ключевых определениях, например, что объективная правовая сторона несет в себе негативный посыл по отношению к субъекту. Возможно, что многие тезисы самого Гегеля из «Философской пропедевтики» могли бы быть расценены аналогичным образом, но Праусс считает, что Гегель имел ввиду безразличие, которое возникает каждый раз, когда речь идет о праве, в отличие от морали, сохраняющей свое влияние на человека даже в случае прекращения непосредственного воздействия. Мораль для Гегеля — единственно возможный способ убеждения свободного человека, а «права человека — это пустота». С объективной стороны, тем не менее, права обладают полной обоснованностью. Негативное и позитивное как эпитеты правового и морального для Гегеля неприемлемы.

Кант предлагал рассмотреть объективную сторону подвергающегося воздействию субъекта, но у Гегеля это не нашло отражения. Гегель настойчиво говорит о «признании», суть которого сводится к тому, что воля другого должна быть признана «сама по себе», «по природе вещей». В «Феноменологии духа» Гегель утверждает, что действие государства имеет безусловный приоритет перед «действием индивида», а «любовь к ближнему» как действие между индивидами ничтожно, поскольку она — просто «ощущение ощущения». Но ведь «любовь к ближнему» — это действие, которое, как и любое действие, может быть сознательно «предписано» и обосновано объективной стороной. Гегель исключает нравственную оценку в принципе, когда речь идет о практике обращения с индивидами со стороны государства. Он рассматривает такое обращение «ради изучения» в теории и только «с этой точки зрения». Кант оценивает это как безнравственное отношение к субъекту «только» как к «средству». Это кантовское «предписание» Гегель не замечает и во «Введении к философии истории» пишет о «мелких личностях», которые были «принесены в жертву и забыты» ради деяний великих людей, для которых они все являются «только» «средством». Тем не менее Гегель признает, что каждый из индивидуумов, будучи субъектом, личностью, хочет, чтобы с ним обращались «только» как с «самоцелью».

Проблема состоит в том, что в каждом конкретном случае у любого философа неизменно проявляется некий стабильный формат отношения к личности в государстве. Теория «признания» субъектов возникла у Фихте и была подхвачена Гегелем, однако «признание» само по себе является лишь субъективным аспектом, а объективный аспект — это то «нечто», что обнаруживается в каждом конкретном случае. Объективная субъективность как осознанная «самоцель»

у Канта обнаруживает действительную причину всякой нормативности, ведущей к «признанию». Содержание этой нормативности у Гегеля остается неясным, но он не останавливается на обосновании этого «признания», делая упор на обоюдности признания при симметричности отношений. Философ не объясняет, каким образом должно возникнуть содержание и нормативность из одного факта симметричности и почему отношения должны быть именно симметричными, то есть равновесными. Необходимость закрепления права и морали в роли правового и морального аспекта действия создает единство внутренней и внешней стороны.

Гегель выводит «признание» другого человека личностью через его свободу, считает это естественным продолжением, а применяемую в отношении субъекта асимметрию реального отношения не замечает. Получается, что право закрепляется в своей навязанной законом роли как принудительная сила закона, а сам человек со своей свободой и достоинством исчезает перед возможностями государства. То есть человек свободен, пока его воля совпадает с волей государства, и, соответственно, человек не «признан», не свободен и принужден, если не совпадает. Кант, напротив, строит теорию действия на асимметричном отношении, поскольку любое внешнее требование к субъекту — это одно действие, асимметричное по сравнению с «принимающей» стороной, а внутреннее действие, направленное на объективную сторону — это другое действие, которое не может быть одинаковым у «страдающего» и «принимающего» действие субъекта. Поэтому существенно важно, чтобы разработанное Кантом именно во втором варианте троичное отношение к добру и злу квалифицировалось как стандарт отношений. Это необходимо прежде всего потому, что снимает уже оговоренный аспект принуждения в правовом действии. Субъект, испытывая воздействие внешнего требования, отвечает на него своим действием только автономно, добровольно, свободно, а не под влиянием внутреннего мотива или внешнего принуждения. Мораль и право в данном варианте будут равноценны и взаимно необходимы, чтобы обеспечить личности необходимое достоинство.

### ***Глава 5. «Настоящее и будущее нашей культуры права, морали и государства»***

В этой главе Прусс останавливается на современных возможностях второй троичной системы отношений Канта и негативных последствиях ее игнорирования. Современная модель государства, в котором интересы государства подменяются политической властью отдельных групп, владеющих возможностями и средствами, вызывает особенное беспокойство Прусса. Для многих философов, изучающих мораль и право, обсуждение философских оснований свободы остается единственной возможностью привлечь внимание общества к понижению уровня человеческого достоинства. Биологизация философии вводит в зависимость от биологических экспериментов, которые сводят жизнь человека к практической пользе, отрицают философское основание свободы

и личности. Возвышение роли религии, возможно, приостановит на некоторое время процесс обезличивания, но у религии есть собственное основание, которое не может заменить философское осмысление. К тому же по ряду причин религиозные аргументы не могут показаться всем одинаково убедительными.

Право и мораль во взаимосвязи с субъектом и обществом у Канта и Гегеля остаются философскими вопросами для осмысления личности, а в практике общественных отношений они, наоборот, подчиняются законам государств, которые игнорируют роль морали в деятельности права. Закон, манипулируя общественным сознанием, ставит насилие на вершину ценностной пирамиды, хотя там должна стоять свобода личности. Власть закона должна проявляться в справедливости и равенстве перед законом, а не выглядеть всевластием политических сил, безразлично относящихся к морали и осуществляющих контроль и принуждение над гражданами. Всевластие осуществляет себя как безличная сила, исключая уважение к личности как принципу продуктивного общения. Всевластие безразлично к нравственным установкам, ему важна скорость исполнения решения власти субъектом, причем зачастую субъект оценивается исключительно по этому критерию. Добровольность исполнения получается совершенно неосмысленной, рабской и закладывается в эту модель изначально. Другая модель возможна только при переосмыслении положения с правом и моралью в государстве, и она может вывести общество из того тупика, в котором оно оказалось благодаря принятому когда-то бездумному решению построить законы на неудачном варианте теории свободы Канта.

Неверное обоснование не может дать правильное осмысление. В этой связи будущий стандарт морали и права должен выглядеть убедительным и философски безупречным в своих основаниях. Аргументированное знание об определенной данности в метафизике не может быть эмпирической реальностью, но эта позиция, естественная для философии, с точки зрения современной науки выглядит неубедительной. «Биофилософы» забывают, что любая научная деятельность живет и развивается по другим законам, где нет места понятиям морали, добра, зла, свободы, а значит, на этом направлении мы вскоре придем к отрицанию личности как таковой. Это обязательно случится, поскольку позитивная нормативность в праве или морали была и остается строго фрагментарной, не способной охватить единой мыслью весь процесс жизнедеятельности. Личностные нравственные характеристики оказываются рудиментом, исключая «научный подход». А нормативность, исходящая из стремления сознательного воления к сознательной самоцели, приводит к самоидентификации себя как субъекта в глазах другого и другого субъекта в своих глазах как самого себя. Именно такой стандарт нам необходим, и он был логически обоснован во втором варианте теории свободы Канта. Современным правоведом и философам необходимо найти общие точки соприкосновения во имя той свободы, к которой стремился человек на своем долгом историческом пути развития своей личности. Свобода этого стоит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджикурбанова П. А. Этика ранней Стои: учение о должном. М.: ИФ РАН, 2012. 219 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Prauss G. *Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel*. Freiburg; München: Verlag Karl Alber, 2008. 147 p.

**REFERENCES**

1. Gadzhikurbanova, P. A. *Etika rannei Stoi: uchenie o dolznom* [Ethics of Early Stoicism: The Doctrine of Duty]. Moscow, Institute of Philosophy RAS, 2012, 219 p. (in Russian).
2. Hegel, G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl, 1990, 524 p. (in Russian).
3. Prauss, G. *Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel*. Freiburg; Munich, Verlag Karl Alber, 2008, 147 p. (in German).